

Создания Тёмного Измерения, на скорую руку слепленные по образу обитающих в этом мире гуманоидов, раз за разом накатывали на препятствие. Вскоре после возведения преграды к запертым, ломящимся изнутри, присоединились их собратья, оставшиеся с той стороны.

Твари гибли сотнями и тысячами, но продолжали бросаться на опасную стену, создавая критическую массу чуждой энергии. Им было плевать на потери, а об инстинкте самосохранения они не ведали вовсе. Значение имела лишь цель, и сейчас она заключалась в прорыве клетки, где оказался заперт глашатай их создателя.

Раздался удар. Ещё удар и ещё. Конечности существ в первом ряду рассыпались, но сзади напирала другая и словно тараном впечатывала в жадно сверкающую стену тела менее удачливых собратьев. Разрушающаяся псевдоплоть расплзалась по поверхности шипящими темными кляксами. Верный признак того, что работа почти выполнена! Совсем недавно от атак не оставалось и таких напоминаний. Теперь же кляксы не успевали исчезать под напором силы, источаемой стеной.

По прежде ровной глади, похожей на фиолетовое стекло, пошла рябь. Потом начали проявляться истончения, затем трещины. Их становилось всё больше. Наконец стена прогнулась и разлетелась на куски одновременно по всей своей протяженности, кромсая ближайших существ осколками, прежде чем исчезнуть без следа.

Даже в этом последнем акте своего существования творение Богини Смерти собрало обильную жатву врагов сущего, но путь стал свободен. Запертые и внешние твари смешались в единую орду, готовясь вновь ринуться на приступ позиций ётунов.

Далёкий гул.

Обжигающая вспышка!

Следом грохот.

И из сети, объединяющей всех созданий Тёмного Измерения, на планете в мгновение ока исчезли сотни тысяч особей.

Безглазые головы повернулись к эпицентру.

Глашатай звал.

У них появилась новая цель.

Кали выпрямилась и резким взмахом Гунгнира разметала пар, возникший от её приземления. Она находилась в не слишком глубоком кратере диаметром около километра, чью поверхность обильно усеивали курящиеся осколки мертвящей стали. Сотворенная ею оболочка выполнила своё первое предназначение — увеличить поражающую силу удара. Вторая на очереди.

Отдельные твари уже начали пробираться на очищенную территорию. Сперва единицами, а затем целыми толпами они переваливали за небольшую гряду изо льда и камня и устремлялись к богине.

Кали крутанула над головой Гунгнир, выпуская на свободу огонь Хельхейма. От неё во все стороны рвануло пламя, испепеляя существ, успевших попасть в кратер, и оттесняя лезущих следом. Скоро этот огонь, несущий в себе след неминуемого конца, утихнет в наступающей орде, но цель удара будет исполнена — Кали получит драгоценное время.

В этот мир уже вторглось много тварей, и они всё продолжали нарождаться в осквернённых областях поверхности. Такими темпами, запоздай Длань хоть на сутки, и создания Дормамму просто бы заполнили всё вокруг, даже если бы на аватара напала страшная лень и он забыл об осквернении средоточий мировых лей. Слишком много, чтобы Кали справилась в одиночку. Нет, убить-то она их могла, стоило только «опустить Глефу», — пусть и самой глефы у неё теперь нет, но с задачей прекрасно справится и Гунгнир — и эти паразиты больше не будут никого беспокоить. Вот только в зависимости от её настроения либо Ётунхейм разнесёт на куски, либо значительная часть поверхности мира станет почти стерильна. Ни один из этих исходов Кали совершенно не устраивал. Даже без учёта моральной стороны вопроса *— Ох, Хотару, что же ты никак не желаешь отпустить свою безжалостную половину? —* так издеваться над собственными владениями было последним делом. Именно поэтому, даже нанося удары с орбиты, она локализовала урон Стенами Безмолвия.

К тому же с таким подходом аватар просто погибнет, а он нужен ей живым — если существование этой твари вообще можно назвать жизнью — чтобы должным образом запечатать прорехи реальности, не уплачивая за это непомерную цену. На памяти дочери Одина было несколько случаев, когда приходилось штопать ткань бытия подручными средствами, и повторять подобное она совершенно не стремилась.

Итак, ещё там, на орбите, Кали решила обеспечить себя подмогой.

— Приди, Фенрир! — воззвала она, высвободив свою силу.

На первый взгляд могло показаться, что её слова и силы пропали втуне... а потом, без эффектов и помпы перед ней возник огромный полупрозрачный волк.

Конечно, это был не сам Фенрир и не та трухлявая подделка, которую она реанимировала. Божественный зверь давно погиб и мог вернуться только в следующем цикле. Даже смертных не так просто по-настоящему оживить, пусть все души Иггдрасиля и проходят через её вотчину — точнее, энергетическое отражение Хельхейма в Древе — но надолго там никогда не задерживаются. Дорога их удел. Тем не менее, любая жизнь, будь то божественная или нет, всегда оставляет после себя отпечаток, существующий куда дольше и уж к ним-то доступ она имела всегда.

— О, милый, я вижу ты привёл друзей! — довольно рассмеялась богиня. Она ожидала, что будет сложнее, но, похоже, слепок её питомца правильно понял желание хозяйки и проявил инициативу.

Вслед за Фенриром появился ещё один волк, и ещё, и ещё. Десятки, сотни, тысячи. Вскоре огромная стая зверей заполнила весь кратер. Целая армия прозрачных клыков и когтей, способная... ни на что не способная. Отпечатки есть отпечатки — по сути своей, фантомы, неспособные взаимодействовать ни с чем, кроме себе подобных. Но для решения этой проблемы она уже всё подготовила.

Повинуясь мысленному посланью, стальные семена, щедро засеянные в лёд и камень, смоченный вражеским иخورом, поспешили принести свой богатый урожай.

Овеществлённая сила смерти устремилась вверх бесчисленным множеством клинков, заковывая

призрачные тела в тёмную чешую.

Фенрир фыркнул, топорща железную шерсть, состоящую из мириад маленьких лезвий, и опустил косматую голову к хозяйке.

Кали нежно похлопала ладонью по носу зверя.

Именно этот момент выбрали отродья Дормамму, чтобы показаться на краях кратера.

Бросив на них один мимолётный взгляд, Кали приказала:

— Рви их, Фенри.

Немедля ни секунды, волк поднял голову и утробно завыл. Ему вторил вой тысяч других зверей, от чего сами небеса Ётунхейма содрогнулись, а в следующий миг ближайшие твари разлетелись на ошмётки.

Призрачные волки рвали существ зубами, нещадно терзали когтями, прекращая существование одного за другим, но больше всего урона они наносили, отпуская сплочённость своих форм, становясь чем-то вроде вихрей, в которых с бешеной скоростью кружились острые элементы их новых тел. Они с величайшей лёгкостью рвали псевдоплоть, оставляя в рядах наступающих тварей целые просеки.

«Дормамму явно поспешил с этим вторжением, — думала Кали, быстро двигаясь вслед за стаями, расчищавшими ей путь. — Откровенная же халтура. Эти твари только числом и страшны, стоило противопоставить им тех, кого массой не задавить, и всё, шансов у них практически нет. Понадеялся на отвратное состояние здешней обороны? Вполне возможно»

Чуть помедлив, богиня изменила направление пути своего воинства, следуя по едва заметным среди скопища тварей эманациями скверны аватара. След петлял и прерывался, но она упорно шла по нему, ни на что не отвлекаясь.

Пару раз Кали попыталась подняться в воздух, но смысла в этом оказалось немного, так как летающие отряды тварей немедленно начинали роиться вокруг, заслоняя всю видимость, а наземные заполняли небо снарядами, только увеличивая помехи. Внизу идти было проще, хотя желанной цели она так и не видела.

Внезапно, на грани её восприятия вспыхнул столп силы — враг пытался притянуть пуповину от космических брешей прямо сюда, таким образом создав новую область осквернения, из которой хлынет ещё больше тварей. Но не преуспел. Она чётко ощутила, как на другой стороне его воздействие столкнулось с какой-то преградой.

«Молодцы, мальчики!» — богиня мысленно похвалила брата с Мимиром, справедливо предположив, что это их рук дело.

Кали взмыла вверх, на всей возможной скорости отправив себя в сторону творимого чародейства. Стаи волков остались далеко позади, но уже нагоняли, остервенело стремясь воссоединиться со своей призывательницей.

Она рухнула оземь в большом скоплении тварей. Вспышка силы разметала их в стороны. Кали взмахнула копьём перед собой, с лезвия сорвалась волна пламени, которое испарило всех врагов перед ней на сотни метров.

Всех, кроме одного.

Лишившись своего прикрытия, аватар обернулся к ней. В отличие от прочих плохих копий, это был полноценный ётун, с могучим телосложением и грубым лицом, чьи черты клеймили его как спорowego потомка Лафея. Его лоб пятнал презренный символ Дормамму — две противопоставленные дуги, перечёркнутые по центру ещё одной, с концами, направленными вверх — извращённое подобие Асгардского трикветра. Синюю кожу покрывали тёмные наросты и пятна скверны, особенно сосредоточенные вокруг глаз.

«Итак, значит, предатель», — холодно констатировала Кали сущность аватара, заноса Гунгнир для удара.

Она скользнула вперёд, намереваясь обрубить ётуну ноги, но в последний момент из-под льда вырвалась огромная чёрная рука, сдавив её гигантскими пальцами. Лицо поддельного аватара расплылось в улыбке, а в следующий миг всё его тело растворилось в гигантском пустом лике, словно состоящем из жидкой грязи.

«Обманка!» — Кали вспыхнула яростью, испаря схватившую её руку до локтя.

Гигант недоумённо уставился пустым лицом на свою культю, а тем временем вокруг поднимались другие. Огромные силуэты без ног, в телах которых ещё угадывались линии от слившихся воедино меньших тварей, тут и там возносились надо льдом.

Подоспевшие волки бросились на них и отхлынули назад — плоть этих безликих оказалась куда крепче, чем у их меньших собратьев, а конечности неожиданно ловкие, несмотря на размеры.

В воинстве Кали появились первые потери.

Но и призрачные звери были не так просты. Ещё в бытность живыми, гигантские волки привыкли охотиться стаей на добычу, значительно превосходящую их размерами, и теперь они быстро об этом вспомнили. Гигантов начали окружать, попутно избавляясь от оставшейся здесь мелочи, и изматывать беспрестанными атаками с разных сторон, вырывая стальными зубами куски псевдоплоти.

Кали тихо пылала злобой. Её провели! Кинули ложный след и привели в ловушку. Конечно, этого мало, чтобы остановить её, но время потрачено и теперь неизвестно, как далеко успел сбежать настоящий аватар.

«Ну, ничего, этот манёвр и станет началом твоего конца», — подумала она, примеряясь к напавшему на неё гиганту.

Чтобы создать такой реальный след, ётун должен был использовать собственную плоть в качестве медиума. Теперь же этот кусок великанского мяса послужит уже ей. Нужно только достать его из туши псевдоплоти.

Гигант потянул оставшуюся руку к ней, но тут же лишился и её. Гунгнир дважды полыхнул, отправив два широких луча в грудь и живот существа, ещё больше сокращая количество активной массы. После чего Кали крутанула Гунгнир, выбив из льда под собой сноп крошева, и снизу вверх резанула воздух перед собой, отправив во врага тонкую струну силы, без капли эффекта огня или смерти. Тушу гиганта разделило ровно надвое, и он распался, всё ещё немного трепыхаясь.

Подскочив к туше, Кали быстро нашла кусок настоящей плоти, выдрав его, спалила

оставшееся пламенем Хельхейма и только тогда огляделась по сторонам.

Схватка вокруг ещё кипела, но гиганты падали один за другим, разорванные наседающими зверями. Кали потратила пару мгновений, чтобы сформировать над головой несколько стустков силы смерти, и единым выстрелом поразила в головы всё ещё сопротивляющихся монстров. Это не уничтожило их моментально, но волки легко добились раненых противников.

— Фенрир, ко мне! — позвала Кали.

Гигантский волк пришел, словно порыв ветра, сплотив своё тело прямо перед ней, и опустил голову.

— Ищи, мальчик, — проворковала Кали, сунув ему под нос мясо ётуна. — Ищи.

Спустя ещё минут двадцать Кали стояла перед тёмной пещерой, круто уходившей вглубь тверди Ётунхейма. На первый взгляд, дикого камня этих сводов никогда не касалась рука разумного существа, но если присмотреться, то тут, то там можно было заметить элементы явно искусственного происхождения — века практически стёрли их, но всё же не до конца.

Богиня ещё пару мгновений рассматривала зев, после чего обернулась к застывшему неподалёку волку.

— Пусть твои собратья очистят предместья — поблизости не должно остаться ни одной твари Дормамму. Новых пусть уничтожают на подступах. Ты же сам охраняй вход, — велела она и, не теряя времени, начала быстро спускаться по тоннелю.

Чем дальше она шла, тем очевиднее становились следы, приобретая узнаваемые черты ётунских построек, — как будто в Ётунхейме могли быть чьи-то ещё! — ровные линии, тяжеловесная резьба, утопленные в стенах схемы, всё это явно говорило, что к постройке этого места приложили руку инистые великаны. Их архитектура вообще была очень характерна и узнаваема: в ней изящные изгибы и стройные, почти воздушные башенки поверхностных городов соседствовали с четкими и основательными подземельями. У этого разделения существовало даже какое-то философское обоснование, глубоко укоренившееся в культуре ледяного народа, но в прошлом Кали не слишком интересовалась этим, так что не знала что там к чему.

«А жаль, будь иначе, возможно, у меня бы уже не осталось сомнений насчёт Ларца...»

Через полкилометра, или около того, появились первые ответвления — комнаты и целые коридоры, расходящиеся от центрального спуска. Но Кали они не интересовали, ведь след врага здесь был совершенно отчётлив и вёл только вниз.

Так, быстро шагая, она добралась до высоких каменных ворот, выломанных внутрь.

«Усыпальница клана Ангербоды, — прочла богиня надпись над проходом и нахмурилась, не сбавляя скорости, минуя врата. — Ётуны не дорожат телами мертвецов так какого... — Кали внезапно застыла на полушаге, чувствуя, как в сердце впились когти ужаса: — Усыпальница... не склеп... Усыпальница!»

Камень треснул под её ногами, и она сорвалась в полёт, с хлопком разрывая звуковой барьер. Ей уже было плевать на возможные ловушки и обвалы — лишь бы успеть.

Кали неслась по тоннелю, пока впереди не замаячила грубая стена из тёмного льда, от которого буквально разило силой Тёмного Измерения, но и не думала сбавлять скорость. Богиня соткала перед собой конус силы смерти и на полном ходу врезалась в препятствие.

Коридор заполнил ужасающий грохот. Взметнулось ледяное крошево. Зачарованная масса разрушалась под напором, но замедляла её.

Кали прошипела проклятие и усилила напор. Десять, двадцать, тридцать метров сплошного льда осталось позади — богиня настойчиво продолжала движение. Она чувствовала, что осталось немного. За этим препятствием явственно ощущалось отвратительное присутствие аватара и... ещё тысячи слабых огоньков жизни.

Наконец часть льда на пути сдвинулась внутрь, с треском разлетевшись в стороны. Кали резко оборвала своё движение, повиснув в воздухе у края пандуса, по спирали опоясывающего огромную рукотворную пещеру, простирающуюся ввысь и в глубину. То и дело, словно мерное дыхание, снизу вверх проносились волны света — энергия прямиком из магистральной леи Ётунхейма, чистая и незамутнённая, если не считать густо висящие в воздухе миазмы скверны. В глубине пустого пространства на всю высоту помещения поднимались пять мощных колонн, — так же опоясанных пандусами — на разных уровнях соединённые между собой и со стенами ажурными мостиками белого льда.

И всюду, куда не кинь взгляд, виднелись хрустальные капсулы, в которых бесчисленные века почивали ётуны. Не те бесчисленные полудикие истуканы, что и сейчас сражались с значительно поредевшими полчищами вторженцев — настоящие. Носители культуры древнего народа, что многие века соперничал с возвышающимся Асгардом и даже, в конце концов, приняв главенство асов, вставшего рядом как гордый вассал достойного сюзерена.

И все кто спит здесь уже вне спасения.

Кали коснулась ближайшей капсулы, в которой спала маленькая девочка с иссиня-чёрными волосами и трогательной короной рожек, желая ещё раз убедиться в своих выводах, и чуть ли не заскрежетала зубами от отчаяния.

«Осквернена! — с болью и яростью подумала Кали. — Тело ещё не изуродованное, но в душе уже видны необратимые изменения. И все остальные в этой усыпальнице точно такие же... О Древо, как же я это ненавижу!.. Я же не Усаги... Мне не дано просто пожелать и заставить все законы реальности дружно станцевать чечётку... Будь проклят Дормамму и все продавшиеся ему глупцы!»

— Ты опоздала, Асгардская шлюха! — настиг её безумный возглас. Кали обернулась. Около центральной колонны пространство, наполненное тёмными миазмами, исказилось, словно разбитое стекло, открывая доселе скрытого аватара. — Милостью моего владыки, кровь мира наполнится тенью и древние восстанут, дабы пройти морозом и кровью по твоему никчёмному роду! Га-ха-ха-ха-ха!

Богиня до хруста костей сжала древко Гунгнира. К бешенству и печали, что она испытывала до этого момента, добавилась изрядная доля презрения.

«Монолог?.. А я то думала после предательства мироздания ниже падать некуда... Если этот образец был основой, то не удивительно, что качество пушечного мяса оказалось таким

посредственным. Ох, Дормамму, неужели ты настолько изголодался, что готов брать даже такой никчёмный материал?..»

— Ты прав, предатель, спасти этих несчастных уже поздно, — громко произнесла она, после чего почти не слышно добавила: — Но даровать им покой и возмездие я ещё способна.

И, резко развернувшись, вонзила Гунгнир сквозь сверхпрочную поверхность капсулы прямо в грудь лежащей там девочке.

— Нееет! — возопил аватар, пытаясь отвести удар копья любимым приёмом ставленников Дормамму, искажением реальности с помощью наложения на материальный мир кусочка зеркального измерения, но куда там. Очередной признак идиотизма, — пытаться использовать это против бога. Сколь бы ни была велика власть Дормамму над этим пластом бытия из-за его пограничного положения рядом с Тёмным Измерением, сама реальность ещё не принадлежала ему. Кали хватило одной мысли, чтобы пласты реальности разошлись по углам как нашкодившие дети.

И клинок пронзил плоть несчастного ребёнка. Она ещё успела проснуться, взглянуть на Кали с недоумением и обидой, а в следующий миг занялась фиолетовым пламенем и рассыпалась в прах. Следом за ней огонь со скоростью молнии разнёсся по связующим линиям капсул, распыляя каждого ётуна в этой усыпальнице.

На то, чтобы покончить со всеми, хватило доли секунды.

— Тввваарррр! — ревел аватар, начиная атаку.

Кали со спины прошило три ледяных кола. Было больно, но отнюдь не так, как вновь исполнять долг чистильщика, пусть даже её поступок спас здешних ётунов от участи быть полностью пожранными Тёмным Измерением.

Ётун прыгнул на неё, в полёте создавая огромный боевой топор. Богиня приняла удар на древко Гунгнира и, отбросив его в сторону, ударила тупым концом в челюсть. Потом, не останавливая движения, провернула копьё, начисто срезав левую ногу аватара по самое бедро. Тот взревел, на этот раз от боли, пытаясь отступить под прикрытием кольев, выстреливающих из пола и стен. Кали смела их хлестким ударом древка, а свободной рукой вцепилась в предплечье беглеца и с хрустом вырвала его из локтя. Ётун ещё пытался сопротивляться, призывая лёд, и бестолково корёжа зеркальное измерение, но два росчерка Гунгнира положила этому конец.

Кали схватила лишённое конечностей тело и подняла перед собой. Аватар попытался плюнуть в её целый глаз ледяной иглой, но та только скользнула по скуле, не оставив даже царапины. Презрительно усмехнувшись, Кали воззвала к своей силе, потратила секунду, чтобы сформировать из неё металлический кляп, который немедля вцепился в лицо пленника.

— Пора расплачиваться за это нападение, Дормамму, — прошипела она в лицо аватара.

Сформированные четыре цепи споро обернулись вокруг культией великана и впились в плоть, не позволяя тому истечь ихором до срока и одновременно блокируя его силы.

Кали осмотрела бывшую усыпальницу, теперь превратившуюся в настоящий склеп. Нельзя было оставлять всё, как есть. Пусть великанам и всё равно, но она не хотела бросать это место пустым и полуразрушенным. Кали подняла Гунгнир, выпуская на свободу его мощь. Концентрированный поток сжатой плазмы прочертил линию к ближайшей колонне, разнеся

значительный кусок в щебень. Богиня повторила действие ещё четырежды, и когда центральная колонна оказалась перебита, пещеру сотряс надсадный скрежет, а с потолка повалились первые глыбы.

«Мост мне», — послала она ментальный сигнал Длани и исчезла в сиянии малого Бифрёста.

Радужная вспышка доставила Кали вместе с ношей прямо в капитанские чертоги. Они материализовались аккуратно напротив трона, на котором в окружении тускнеющих рун и магических линий, опутанный по рукам и ногам, полулежал беспамятный Локи. Мимир кружил вокруг него, обеспокоенно хмуря брови.

Осмотрев брата, богиня сразу поняла, что порученное дело далось ему очень нелегко: лицо бледное, волосы взмокли от пота, дыхание глубокое и хриплое, глаза полуприкрыты. Видок — краше в погребальную ладью кладут.

— Ха! Вернулась наконец? Мы уже заждались! — поприветствовал её Мимир.

— Да, задержалась немного, — согласилась Кали и тряхнула безымянным ётуном, которого всё ещё держала за шею. — Уж больно прыткий экземпляр попался.

Мимир подлетел ближе и критически оглядел её добычу.

— Отличный улов! — покивал он. — Потрошить прямо сейчас будешь?

— Конечно. Быстрее начнём, быстрее закончим, — сказала Кали и кивнула на Локи: — Как он справился?

— Для первого раза неплохо, а с учётом его около нулевого образования вообще выше всяких похвал, — дал свою оценку мудрец. — Вот попривыкнет к силе, да поднаберётся опыта и будет такие разрывы блокировать на раз-два. Но работы ещё непочатый край. Представляешь, он сперва даже не понял, что от него требуется. Начал магию свою тянуть, а потом обозвал божественную силу магией ётунов. Нет, это ж надо, а?! Что за бездари его учили?!

Кали нахмурила брови и несколько мгновений просто буравила Локи взглядом. Похоже, всё даже хуже, чем она подозревала.

— Ну, это никуда не годится, — решительно тряхнув головой, сказала Кали. Она отпустила Гунгнир, отправила его в подпространственный карман, и направилась к трону, по пути швырнув ётуна Мимиру: — Подержи-ка.

— Воу! — всполошился старик, поспешно перехватывая тушу телекинезом. — Ты чего это удумала? Дай парню отдохнуть. Умаялся же!

— Некогда отдыхать, — отрезала богиня, не замедляя шага. — С творящейся сейчас чехардой мне нужны компетентные помощники, а не несведущий балласт. Будем учить так быстро, как только можем, и начнём с практики на живом примере. Ты главное не забывай теорией его пичкать.

Она наклонилась к брату и осторожно похлопала его по щекам.

— Локи. Эй, Локи, очнись, — мягко, но настойчиво позвала она, одновременно с этим обращаясь к ментальному интерфейсу трона.

Кали убрала большую часть пут, оставив минимум, чтобы брат не свалился, и запустила последовательность экстренного приведения в чувства. Автоматика немедленно вколола Локи несколько бодрящих и восстанавливающих эликсиров, а матрицы начали формировать целительные чары, действующие в тандеме с инъекциями. Конечно, возвращение доступа к божественности это не ускорит — скорее, наоборот — но этого и не требовалось, лишь бы он понимал, что ему говорят и показывают. С целью укрепить последнее, Кали добавила к настройкам стандартного комплекса пробуждения несколько чар, повышающих восприятие информации и обостряющих любопытство.

Никогда не помешает подстегнуть образовательный процесс.

— Хел...х... Кали?.. Что?.. — моргая, пробормотал Локи, пытаясь приподняться. Взгляд его всё ещё оставался затуманен после беспамятства, а голова с явным трудом держалась прямо.

Кали взяла брата одной рукой за ворот, помогая сесть, второй аккуратно придерживая голову, мягко, но настойчиво вынуждая смотреть себе в глаза.

— Просыпайся, брат, не время разлёживаться. Сейчас я кое-что покажу, а ты смотри и запоминай. Быть может, тебе скоро придётся это повторить, — проникновенно произнесла она.

Увидев в глазах Локи огонёк понимания, Кали отпустила его, затем крепко схватила подлокотники и потянула вверх. Тихо лязгнули три длинных металлических штыря под основанием, освобождаясь из пазов. Трон воспарил над постаментом, и Кали подтолкнула плавучее кресло к краю. Там его перехватил Мимир и зафиксировал за пределами внешнего круга рун, опоясывающего трикветр, в центре которого тот ранее находился.

Сама же Кали заняла освободившееся место и прикрыла глаза. Её разум скользнул в урвые вены, пронизывающие корабль, пробуя на вкус структуру силы Локи, переплетённой с тончайшей паутиной энергии Мимира — один бог просто не способен напрямую использовать силу другого, вот и приходится изгаляться с помощью особых артефактов или, как здесь, буквально оплетая чужое нитями, направлять словно марионетку. Распробовав образец, Кали выбросила вовне судна пять невидимых рук, ориентируясь на скопления подобных сил. Ей нужно было прикоснуться к заплатам и познать, что там наворотили эти двое. Без этого настоящего исцеление начинать нельзя.

Впрочем, она все равно вполглаза наблюдала за происходящим поблизости, и там даже нашлось кое-что интересное.

Всё ещё не полностью пришедший в себя Локи растерянно оглядывался по сторонам, но стоило ему заметить лишённого конечностей ётуна, как взгляд мгновенно сфокусировался на нём.

— Кто это? — спросил он, нахмурившись.

— Это, друг мой, аватар внешнего бога, второго рода, — начал отвечать Мимир, — или, попросту говоря, Взятый. Можно сказать, сердцевина всей той гадости, что сейчас творится вокруг и на поверхности того милого ледяного шарика неподалёку.

Локи неуверенно покосился на летвющую голову.

— Эх... я имел в виду его имя, — уточнил он. Среди ётунов было немного персон, достойных внимания, и все наперечёт. Кого-то обычного тащить на борт смысла не было вовсе — только изгадит всё, дикарь — так что принц обосновано предположил, что узнает пленника. Но раз это тот самый аватар... — А что он тут вообще делает? Я думал, сестра собиралась его убить.

— А не важно уже, как его там звали, — откликнулся мудрец. — Взятый он и есть Взятый. От прежнего молодца там лишь налёт остался, чуть поскреби и отвалится, а под ним кусочек Дормамму. Крохотный, но тем не менее. Здесь он потому, что таких нужно убивать по-особенному. Я бы даже сказал, с выдумкой. Чтобы, значит, и уничтожить полностью и пользу поиметь. Вот, например, этот пойдёт на то, чтобы нормально исцелить раны реальности, — назидательно проговорил Мимир, после чего печально насупился и добавил: — И почему вечно, во всех народах, находятся идущие в услужение к внешним? Нет, ну не дебилы ли, а? Будто существа, чуждые нашей реальности, способны дать что-то, что в конечном итоге не обернётся кошмаром для любого рождённого здесь. На то же они и Чуждые! А ведь большая часть предателей отнюдь не невежды.

— Ну... дураки есть везде, — рассеяно пробормотал бог обмана. Любопытные вещи рассказывал этот обрубок. Было бы неплохо всё это хорошенько запомнить... и узнать больше. — Кстати, какие они ещё бывают?.. В смысле, аватары. Если есть второй род, то должен быть и первый, верно?

— Есть, как не быть? — с готовностью откликнулся Мимир. — Аватары первого рода называют «Поделками» и происхождение у них соответствующее. Пакостный чужак так или иначе самую малость прорывается в нашу реальность и просто лепит аватар из того, что под руку попадет. Качество не ахти, но на первое время хватает. Такие аватары частенько используют, чтобы зачинать культы среди смертных и вообще всячески распространять знания о себе любимых. Отдельной статьёй идут артефакты с частичками чужих в себе — это тоже в каком-то смысле аватары, но вне этой классификации. Есть и третий род аватаров ака «Ублюдки» — это научный термин! — такие уже требуют больших затрат сил, времени и наличия серьёзного пула культистов. Но и проблем от них у-у-у...

Кали улыбнулась краешком губ. Образовательный процесс стартовал и, похоже, братец не заметил косвенного воздействия. Это хорошо. Хоть воздействие мелкое, а процедура многие зоны как признана безопасной, но уж больно братец нервный и битый. Пусть побережётся.

«Осталось только второго братца поймать и за уроки посадить, — умилилась богиня. — Я ещё сделаю из них достойных асов!»

Тихо вздохнув, Кали вернулась к работе.

Она считала все необходимые параметры и, полностью вернувшись в тело, подняла руку и

сжала кулак. Пространство вокруг неё скомкалось, словно она натянула пригоршню нитей, пронизывающих прозрачное полотно. Над кулаком трижды полыхнула сила Хельхейма, с каждым разом разгораясь сильнее. Затем она резко опустила руку, направляя собранную мощь в трикветр и через него во все урुвые вены Длани. Плавные линии трёх широких лепестков, на пересечении которых стояла Кали, мгновенно вспыхнули фиолетовым, а вокруг нее вспыхнуло пять структур, точно копирующих заплаты над прорывами реальности.

Богиня удовлетворенно кивнула сама себе, вышла из центра и протянула руку к подергивающемуся у края платформы ётуну. Невидимая сила рванула пленника ближе, позволяя её пальцам крепко сомкнуться на горле аватара.

— Вот и пришло время расплаты, — прошептала она, глядя прямо в наполненные чуждой энергией буркала ётуна.

Из-за пластины кляпа раздалось невнятное бульканье, а слепки заплат вспучились, удерживая возросший напор с другой стороны.

— О, вижу, ты всё ещё на что-то надеешься, Дормамму, — Кали усмехнулась. — Неужели алчность затмила твою память? Ну ничего, хоть время тебе и чуждо, я напомню, почему ты десятки тысячелетий не смел творить аватаров на территории Асгарда, — постановила она и швырнула тело в центр трикветра.

Как только ётун оказался внутри, из центра взмыл столб света, заставив аватара зависнуть на месте. Четыре цепи с шипастыми гарпунами на концах, возникшие из уплотнившейся энергии, выстрелили в культы ног и рук, засев глубоко в костях. Существо издало глухой вой, а цепи натянулись, распяв его в воздухе.

Кали бросила взгляд на Локи. Брат неподвижно сидел на троне, напряженно внимая тихим словам Мимира, неотрывно глядя на распятого.

— Постарайся ни на что не отвлекаться, брат мой, — на всякий случай предупредила его она. — Сейчас начнётся самое главное.

Дождавшись кивка, богиня отвернулась и приблизилась к своей жертве почти вплотную.

Мысленной командой уничтожив кляп, она резко, прежде чем ётун успел открыть рот, ткнула двумя пальцами ему под подбородок, заставив тело затрястись от энергетического импульса. В ответ на её действие напор на заплаты усилился. Затем богиня дотронулась до ключицы своей жертвы и медленно, с садистской нежностью провела к центру груди, по пути прорезая ногтями покрытую тёмными наростами кожу.

— Владыка Дормамму сотрёт ваше никчёмное древо в пыль, — с трудом прохрипел аватар.

Кали улыбнулась.

— Дорогой, говорить о себе в третьем лице — признак идиотизма, — заговорщически сообщила она ему.

И без замаха проломила грудину, сомкнув пальцы на сердце великана, заключённом в решетку из льда, по прочности равном стали.

Ётун взревел от боли и задёргался на гарпунах, а Кали, совершенно не обращая на это внимание, осторожно извлекла орган наружу, стараясь не повредить сходящиеся к нему вены.

Когда она произнесла первую строку проклятия, её слова пробили все пласты реальности, составляющие этот мир, и, собравшись в единую структуру воли и смысла, прожгли плоть сердца в виде единственной руны — обратной винью, представляющей отток сил во всех проявлениях.

Аватар задёргался с новой силой, а на печати обрушился очередной удар. Появились первые трещинки, из них то по одному, то по двое начали проникать струйки чуждой силы, мгновенно принимая облик причудливых созданий, которые сразу устремлялись к кораблю. До созданий, оставшихся на Ётунхейме, наконец дошел новый приказ и они перестали просто ломиться в точку, где давно никого не было, а стали сливаться в множество более крупных особей и, преодолев некий критический порог массы, устремлялись в небеса.

Но ни те, ни другие не успевали.

Кали продолжала читать своё заклятье, воплощая замыслы в реальность. Руны зажигались одна за другой.

Вот, наконец, последняя руна заняла своё место, замыкая круг. Ётун уже потерял последние крохи разума. Он с рёвом выворачивал плечи из суставов, пытаясь хоть зубами добраться до ненавистой мучительницы, но освободиться от цепей никак не мог.

Кали схватила ётуна за подбородок, сорвала сердце с кровеносных сосудов и вбила его ему же в глотку.

Всё замерло.

Глаза ётуна расширились почти до разрыва век.

Он непроизвольно сглотнул.

От пяти фантомов почти прорванных заплат реальности, расположенных вокруг центра трикветра, к ётуну протянулись лучи света. На мгновение его окутала дымка, а затем его призрачная копия разорвалась на пять равных частей, вышедших из тела. Пару секунд они повисели, насаженные на лучи, после чего слились с фантомами заплат.

Весь свет покинул трикветр, а изображения исчезли. Тело ётуна грохнулась на пол, расколовшись от удара на осколки. В то же время в космосе видимые невооруженным глазом заплаты Мимира и Локи рассыпались быстро исчезающими сияющими пылинками, оставив после себя только чистое пространство, без намёка на прежние плечи и разрывы.

Не успевшие подняться с поверхности левиафаны рухнули вниз, разлагаясь уже в полёте. Прочих та же судьба постигла на орбите.

Кали глубоко вздохнула, переводя дух, действие стоило ей немалых усилий, затем обернулась к Локи и Мимиру.

— Всё запомнил? — спросила она брата.

Он перевёл на неё ошалелый взгляд, которым прежде буквально прикипел к осколкам на полу.

— Ты... ты же его... ты же с ним, — Локи не находил слов, что случилось с ним крайне редко.

— Разорвала его душу, — подсказала ему Кали. — Да, именно это я и сделала. Такова кара

всякого, кто продался Внешним. Теперь его суть станет медленно растворяться в полотне реальности, страдая до самого исчезновения, а пока это не произойдёт частичка его агонии будет терзать Дормамму, — она криво усмехнулась. — И поделом.

— Но... но это же... чудовищно! — выдохнул Локи, с трудом подобрав подходящее слово. Души неприкосновенны. Это был постулат, который он впитал с материнской наукой о сейде.

— Подобные раны реальности можно закрыть только душами. Каждая душа это микроотражение вселенной, и только их матери под силу заполнить прорехи. Таков закон этой вселенной, — произнесла Кали. — Хорошо, что нам попался аватар, его собственной искусственно раздутой души с куском врага, втиснутого в него для его создания, хватит на все пять разрывов. Если бы мне не удалось его пленить... — она болезненно скривилась, — пришлось бы сотворить целую гекатомбу из смертных на каждую дыру в Тёмное Измерение. Эйнхирии сейчас недоступны, — именно их готовят для подобного — поэтому пришлось бы резать простых ётунов, а их понадобилось бы вообще несметное количество.

Локи содрогнулся. Такой судьбы он не желал даже великанам, не говоря уже о войсках Асгарда.

— Разве нет иного пути? — невольно вырвалось у него.

— Хех, ну, конечно, есть, — фыркнул Мимир. — Всего-то и нужно, чтобы кто-то из нас, богов, добровольно пожертвовал собой. Ты бы хотел занять место этого ётуна?

Локи смолчал, только крепче вцепившись в подлокотник. Крыть было нечем. Самому обречь себя на подобный ужас, это...

— Вот и правильно, никто бы не хотел, — произнесла Кали, видя состояние брата. — Да и я бы запретила, даже если бы ты вызвался. Тот, кто продал нашу реальность, не заслуживает иного. И хотя для бога такая участь и не конец, но подобная смерть ослабит весь пантеон минимум до следующего перевоплощения Древа после истинного Рагнарёка. Никакой пантеон не может позволить себе такого расточительства, иначе он просто вымрет, а его область мироздания всё равно пожрут разношерстные твари. Именно поэтому после подобных вторжений, если аватар оказывается слишком силён для пленения или не хватает культистов, эта скорбная ноша ложится на плечи обычных асов, а не богов. — Она вздохнула и невесело покачала головой: — Впрочем, бывает, выбора не остаётся. Иногда прорывы оказываются просто слишком велики, и тогда жертвой становится кто-то из пантеона. Так мы потеряли твоего старшего брата Бальдра.

— Брата? — неверяще воззрелся на неё Локи.

— Что, даже об этой жертве вы умудрились забыть? — Кали скривилась в отвращении.

— Впрочем, я уже ничему не удивляюсь. Что бы ни задумал отец, он ухнул в эту затею всё. И силу, и честь, и даже достоинство — своё и всего Асгарда. — богиня немного помолчала и продолжила: — Да, Локи, кроме старшей сестры у вас с Тором был и брат. Бог света Бальдр. Прекрасный менестрель, великий воин, лучик света в жизни каждого, с кем встречался...

— Кали печально улыбнулась, на мгновение предавшись воспоминаниям. — Он отдал свою жизнь, чтобы залатать щель, которую в последнее своё пришествие в пространство Древа пробил великий демон Ситторак. Мы тогда смогли загнать его обратно в родное измерение, но на то, чтобы исцелить рану мира, не хватило бы никаких смертных, и Бальдр вызвался сделать это сам.

Они умолкли. Кали думала о своём, в какой уже раз за жизнь переживая те события. Локи же просто не знал, как реагировать на очередное откровение. С момента пробуждения

информация, сотрясающая устоявшуюся картину мира, лилась на него, как из рога изобилия, и, похоже, конца этому не видно.

— Ладно, что-то мы задержались, — произнесла Кали, полностью убирая путы с Локи, который от этого чуть не свалился с трона. — Поднимайся, брат, нам пора идти.

— Куда? И зачем тебе я? — спросил он, поспешно вставая и одёргивая одежду.

— Сначала вниз, потолкуем с ётунами, а потом ещё глубже, в сам Нифельхейм, к источнику Хвергельмир — Кипящему Котлу. Вот только найдём среди твоих родичей, ледышек, проводника, и сразу туда. Будешь сопровождать меня. Ты же не оставишь слабую женщину одну на таком трудном пути, верно? — она весело улыбнулась ему. — И вообще, тебе туда сходить всяко будет полезно.

<http://tl.rulate.ru/book/28772/651384>